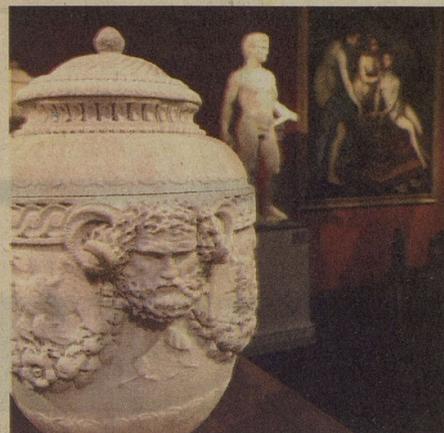

Главный российский сталевар Алексей Мордашов стремится к глобальности и предпочитает не рисковать >> СТР. 20

22

Для зарубежных антикваров, выставившихся в Манеже, московские покупатели – что-то вроде новых Медичи

НГ АНТРАКТ

ПЯТНИЦА 2 ИЮНЯ 2006 ГОДА №19 (173)

ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ. ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

+ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

Голова ногам покоя не дает

Недовольный зритель может и помидором запустить, считает Алексей Ратманский

Мегаполис газ. - 2006. - 2 июня - с. 13-14

Алексей Ратманский: «Я предпочитаю не делить публику на интеллектуалов и чурбанов».

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Майя Крылова

Когда Алексея Ратманского пригласили возглавить балет Большого театра, он стал самым молодым художником балета в России. Ради новой работы Алексей бросил танцевать, хотя незаурядное дарование Ратманского-танцовщика неоднократно отмечала не только критика, но и, например, Майя Плисецкая. У художника есть еще одно дарование – способности Ратманского-хорео-

графа оценили не только в Большом и Мариинском театрах, но и в Сан-Франциско и Нью-Йорке. Сегодня Алексей руководит балетом одного из крупнейших театров мира и на своей шкуре познал, что возглавлять труппу в 200 человек – не синекура.

Ратманский из тех немногих людей, чья жизнь одновременно и публична, и малоизвестна широким массам. По натуре он довольно замкнут и не любит говорить о себе. Молодой «голова» столичного

балета поведал обозревателю «НГ», из каких камешков складывалась мозаика его личной биографии.

– Алексей, в преамбулах к вашим ранним балетам вы писали, что для вас главное – не перегрузить зрителя. Пусть публика отдыхает и развлекается. Это ваше кредо?

– Наверное, тогда это было для меня важно. Должен признаться, что у меня нет кредо и, надеюсь, никогда не будет. Потому что я меняюсь,

как и все. Такие мои балеты, как «Лея» или «Анна Каренина», совсем не развлекательные, а трагические. Со зрителем можно делать все что угодно: грузить, эпатировать, нарочно раздражать. Другое дело, понравится это публике или нет. Зритель ведь может и помидором запустить.

– Но вы как-то обмолвились, что балет, с вашей точки зрения, искусство неинтеллектуальное.

– Да-да, про балерину и пробки – это от Майи Михайловны Плисец-

кой анекдот. Но и правда, классический балет дает больше чувственных переживаний, не в эротическом смысле, хотя это тоже есть – соединение пластики и музыки, тренированные, прекрасные молодые тела. Вообще я предпочитаю не делить публику на интеллектуалов и чурбанов. Толстой балет не любил, а Пруст был завсегдатаем Дягилевских сезонов в Париже. Кроме классики, существует еще много современных концептуальных спектаклей, они придуманы

интеллектуалами и дают пищу для ума. Я приветствую развитие современного танца. А главное, приветствуй, не приветствуй, он все равно развивается. Всю жизнь занимаясь классическим балетом, я понимаю, что сегодня он зашел в некоторый тупик – в том смысле, что на этом языке невозможно создать современный актуальный спектакль. Все, что сейчас делается в классическом танце, – либо стилизация под XIX век, либо перепевы Баланчина.

>> СТР. 14

Голова ногам покоя не дает

<< ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 13

То же происходит в других видах искусств. Классической манерой живописи пользуются только в пост-модернистских целях. Это естественно: другое время – другой язык. Есть, правда, такой хореограф, как Форсайт, который сделал еще полшага в нужном направлении, но и он в итоге отказался от классической техники танца. Сейчас модно соединять балет с видео, драмой, архитектурой, тут есть какие-то перспективы, но боюсь, пока не появится хореограф, который придумает новые системы использования классических движений, мы не сдвинемся с мертвой точки.

– В вашей жизни большую роль сыграли три города – Петербург-Ленинград, Киев и Москва.

– В Ленинграде я родился, в Москве учился балету, в Киеве жил в детстве, а потом долго там работал. Моя мама родом из Питера, по профессии врач-психиатр, папа – киевлянин, инженер по авиакосмическим системам. Я всегда любил танцевать под музыку, в семье была обязательная программа для гостей – посмотреть мои танцы. В Москве жила моя тетька, и решили меня отдать в столичное хореографическое училище. Спросили, хочу ли, я почему-то сказал «да». Все были уверены, что ничего не получится, но решили попробовать. А я поступил. Вот и все.

ду отправился вместе с будущей женой Татьяной танцевать в Королевский балет Виннипега. Там все оказалось безумно интересно и ново. Я уже ставил постоянно, участвовал в ежегодных воркшопах (творческих мастерских хореографов. – «НГ»). Через три года мы вернулись в Киев (по правде говоря, в Канаде мы замерзли, зимой – минус сорок), но уже было не так лучезарно. Ведь в одну реку не войдешь дважды. Я пытался ставить, но это вызвало явное неудовольствие руководства театра. Мы снова уехали, на этот раз в Данию.

– А в Дании жилось хорошо? Вас же там наградили орденом за заслуги перед страной.

– В Копенгагене жилось хорошо, да. Там и сын у нас родился, Василий. Он ходил в детский садик и по-датски говорил гораздо лучше нас с Татьяной. Кстати, мне очень нравится, как датчане воспитывают своих детей. Родители к детям относятся с большим уважением, как к взрослым, не тыкают их постоянно: не прыгай, не бегай, помолчи... Очень важное для датчан понятие – коллектив. Уже в детском саду это закладывается: уважай того, кто рядом с тобой, его мнение, его собственность. Мы многому там научились, не только в профессии, но и в жизненном плане. Вообще я ни за что не променяю свой кочевой опыт. Четыре раза приходилось начинать жизнь сна-

Я предпочитаю не делить публику на интеллектуалов и чурбанов

– В общежитии вы жили в одной комнате с Владимиром Малаховым (ныне – глава балета Берлинской оперы) и Геннадием Яниным (сейчас – заведующий труппой Большого театра). С удовольствием отучились положенный срок?

– Ага. С большим. Где-то лет в тринадцать-четырнадцать мы все по-настоящему увлеклись балетом и даже в свободное от учебы время танцевали в холлах интерната. Педагоги у нас были замечательные, всех не перечислишь. Для меня самые важные учителя – по классическому танцу: Александра Маркеева и Петр Пестов. Мы много ходили в Большой театр и страшно спорили, какая балерина лучше. Моей богиней была Плисецкая, Малахов предпочитал Семизорову, а Янин – Семеняку. Кстати, попасть в театр было большим искусством. Надо было приехать за полтора часа, чтобы встать первым в очередь к администратору. Если не удавалось вымолить пропуск, шли уговаривать билетерш или вахтеров на служебном входе. Воспитатели в интернате не могли поверить, что мы ходим в Большой, и требовали с нас программки как доказательство.

– Говорят, вы уже в то время ставили балеты.

– Ставил. Всегда знал совершенно точно, что буду балетмейстером. И вокруг меня все это знали и безропотно исполняли роли в балетах моего сочинения. Балеты были такие: «Диоклетиан» (из римской истории), «Диана и Актеон», «Ученик чародея». Виталий Забелин, четвертый из нашей компании, писал романы, стихи и символистские пьесы, которые мы разыгрывали. Янин был знаменит своим драматическим дарованием. Он мог за десять секунд заплакать – по часам. Малахов был музыкальным редактором – нажимал на кнопки магнитофона. Но, конечно, мы все знали, что он будет звездой балета, с такими уникальными данными.

– После окончания школы вас не оставили в каком-либо театре столицы. Почему?

– Главная версия – отсутствие московской прописки. Для меня это было крушение надежд в некотором смысле. Зато, вернувшись в Киев, я впервые с десяти лет пожил с родителями. В 1988 году в первый раз показал на настоящей сцене свою хореографию. Я тогда участвовал в украинском конкурсе артистов балета в Донецке и занял первое место. В Киевской опере, где я работал, мне нравилось, это была сильная труппа. Я станцевал почти все спектакли репертуара, стал ведущим солистом, но прошло шесть лет, и захотелось поменять обстановку. Я выиграл балетный конкурс имени Дягилева в Москве, и в 1992 го-

чала, с совершенного нуля, и всякий раз это испытание, которое мобилизует все силы, способности и умения.

– В вашей жизни был период тесного сотрудничества с Ниной Ананиашвили.

– Я сделал для нее три спектакля – «Преступление маньеризма», «Сны о Японии» и «Лея». Очень благодарен Нине за этот шанс.

– Я знаю, что вам было предложение на постановку от Парижской оперы. А сейчас вас пригласили в одну из лучших трупп мира – «Нью-Йорк сити балле».

– Со стороны директрисы парижского балета Брижит Лефевр был интерес, но пока ничего не осуществилось. В Америке я ставлю балет под названием «Русские сезоны» (в смысле – времена года) на музыку Леонида Десятникова. Первый раз работаю с музыкой Десятникова, замечательная партитура. Премьера – 8 июня, приезжайте. В следующем сезоне буду ставить «Корсар» в Большом театре и «Анну Каренину» в Хельсинки.

– Вы уже отбыли две трети вашего срока в должности худрука балета. Каковы, на ваш взгляд, предварительные итоги?

– В таком деле два года – слишком короткий срок для итогов. Могу сказать, что были удачи, полуудачи и, наверное, неудачи. Но главное, что труппа сегодня находится в прекрасной форме. Это волна, которая поднимается наверх, и в этом большая заслуга прежних директоров – Гордеева, Фадеечева, Акимова. Мы выпустили 8 новых спектаклей. Моя задача (если очень коротко) – сформировать разнообразный репертуар, в котором могли бы реализовать себя артисты нынешнего поколения. При этом мы должны помнить, что Большой – один из главных классических музыкальных театров мира. Вот вам и кредо.

– Когда вас недавно спросили, хотели бы вы продлить контракт с ГАБТОМ, вы ответили «не знаю» и тяжело вздохнули.

– Я не вздыхал, с чего вы взяли? Наоборот, был очень рад услышать от директора театра Анатолия Иксанова, что новый контракт мне будет предложен. Когда придет время его подписывать, я постараюсь оценить свои возможности, ситуацию в театре и тогда решу, делать это или нет.

– Должность худрука в любом случае не вечна. Вы задумывались о будущем?

– Моя основная профессия теперь – хореограф и директор труппы. Нужная профессия, популярная. ■